

Полуостров сокровищ

Автор:

Владимир Сотников

Полуостров сокровищ

Владимир Михайлович Сотников

Ларик, Вилька и Петич

Новые впечатления, новые друзья... Здорово! Так думал, переезжая на новую квартиру, Ларик Матюшин. И действительно, он почти сразу же познакомился с Вилькой и Петичем. А тут еще в пойме городской речки, что протекает недалеко от дома, появляются подозрительные люди, занятые тайными поисками... алмазов! Конечно же, ребята не могут пройти мимо этой сенсации и начинают расследование...

Владимир Михайлович Сотников

Полуостров сокровищ

Глава I

Выгул собак опасен для жизни

Остап приподнял голову и радостно шевельнул хвостом. Это означало, что через секунду щелкнет замок входной двери. Так и случилось.

– Ну и чутье у тебя! – восхитился своим питомцем Ларик, выскакивая в прихожую. – Как у экстрасенса.

В прихожей мама уже освобождала папины руки от половины пакетов и коробок. И как ему удалось такими занятыми руками открыть столько дверей?

– Фу-у! – отдышался папа. – Как говорил Маяковский, все мы немножко лошади. А я – больше всех. Лошадь на девяносто девять процентов.

– Интересно, почему не на все сто? – улыбнулась мама.

– Умение говорить, – устало объяснил папа. – Я все-таки еще умею говорить.

Остап занялся папиной поклажей, как будто был собакой, натасканной на наркотики или взрывчатку. Он вертелся между коробками, обнюхивая их снизу-вверх и вдоль-поперек, пока не остановился на нужном.

– Правильно, Осик, – засмеялся папа. – Именно в этой коробке за двойными стенками спрятана контрабанда. Та, от которой собаки в рекламе летают по воздуху.

С этими словами он вытащил огромный пакет «Педигри» и новенький поводок. Остапа поводок оставил равнодушным, а вот Ларика... Он просто подпрыгнул от восторга, будто поводок предназначался ему! Карабинчик, которым поводок должен был крепиться к ошейнику, повиновался малейшему движению пальца и вместе с тем был таким надежным, будто предназначался для страховки альпинистов. А ручка вообще превосходила все ожидания. Легкая, удобная, с двумя кнопками – для освобождения поводка и для его сматывания.

– Ну, пап... – протянул довольный Ларик. – Ты, наверное, выбрал самый лучший поводок в магазине!

Теперь прогулки с собакой превратятся для Ларика в настоящее счастье. Конечно, он и без навороченного поводка любил гулять со своим Остапом. Даже с обычной веревочкой. Но ведь Остапу наверняка приятнее будет чувствовать себя настоящей породистой собакой, у которой за спиной натянута такая удобная и надежная вещь, как этот поводок. Так подумал Ларик вместо Остапа,

который уже всю чавкал своей собачьей радостью.

Наконец папа полностью освободился от поклажи и шумно вздохнул:

– Все. Я сделал крайне важное открытие. Если у меня в руках будет хоть малюсенькая сумочка, самая дамская-предамская, я никогда в жизни не выйду из метро на «Тушинской». Ты знаешь, сколько там народу? А как штурмуют автобусы в час пик? Это что-то невероятное... И все из-за вещевого рынка!

– Кто же делает покупки для новой квартиры в час пик? – улыбнулась мама. – И кто при этом ездит в метро? Да тут фургон надо было заказывать. – Она показала на кучу коробок. – Удивительно, ты начинаешь испытывать покупательский зуд именно тогда, когда в театре ломается машина!

– Зуд, зуд... – недовольно поморщился папа. – Просто деньги выплатили за инсценировку, вот тебе и зуд. Люблю, грешным делом, денежки в дело пустить! Дрель нужна? Нужна. – Он принялся загибать пальцы. – Ящичек с инструментами? Пожалуйста! А про поводок и говорить нечего. Нам без него как без рук.

Мама засмеялась:

– Можно подумать, ты сам будешь сверлить дырки этой дрелью! Опять придется Петра Ивановича просить. А без поводка Осик точно потерпел бы еще месяц-другой. Скажи уж честно: просто ты любишь сорить деньгами.

– Ну почему сорить? – смутился папа. – Дрель немецкая, с насадками – мусор, по твоему? А пассатижи? Нет, я трачу деньги с умом!

И папа поднял вверх палец, как самый опытный в мире учитель.

Мама только рукой махнула, а Ларик расхохотался. Он прекрасно знал о папином умении тратить деньги. Сколько бы у него их ни было, их сразу же и не было. Так мама говорила. Удержать папу от покупок можно было, наверное, только гуляя с ним на таком вот поводке. Чуть рванется папа в магазин, чтобы купить Ларику новый фонарик с подзарядкой или еще какую-нибудь страшно необходимую вещь, а мама тут же нажмет кнопку «стоп» на поводке – и все в

порядке!

Конечно, немецкая дрель – очень полезная вещь, потому что стены в новой квартире бетонные, в них даже маленького гвоздика не вобьешь. Только и тут мама права: папа понятия не имеет о том, как надо сверлить стены. Да и когда ему этим заниматься, если у него недавно начались репетиции нового спектакля и он редко приходит домой раньше двенадцати ночи? Книжные полки в новой квартире Матюшиных повесил Петр Иванович, театральный мастер по реквизиту. И дрель у него была своя.

Через три минуты родители забыли о таких мелочах, как неразумно потраченные деньги. Папа – потому что вообще быстро забывает обо всем, кроме своих спектаклей, а мама – потому что у нее легкий характер. Это папа так говорит.

– Меня завлит сегодня спрашивает: «Куда переехали?» Я говорю: «В Тушино». – «А-а, – вспоминает, – это где вещевого рынок?» – Папа возмущенно покачал головой, усаживаясь за обеденный стол. – И заметь, это говорит образованный человек, притом в то время, когда в театре идут репетиции «Бориса Годунова». Да у него Тушино должно ассоциироваться, конечно же, с Тушинским Вором! И нате вам – вещевого рынок...

– С каким еще вором? – заинтересовался Ларик.

– Вот, – вздохнул папа, – и новое поколение выбирает... Что попроще! Вы что, историю не изучаете?

– Изучаем, – обиделся Ларик. – Но не всю же сразу. Мы еще только средние века в Европе успели пройти.

– Алеша, – сказала мама, – на твоём месте я не укоряла бы ребенка, а побольше объясняла и рассказывала. Это, между прочим, твоя прямая обязанность. Не покупки всякие ненужные домой таскать, а сына воспитывать. Вот пообедайте и отправляйтесь на прогулку. Помнишь, ты мне показывал какие-то холмы, когда мы квартиру приезжали смотреть? Вот и Ларику покажешь.

– Показывал! – хмыкнул отец. – Холмы! Я тебе так вдохновенно рассказывал о лагере Лжедмитрия, о сражении в пойме Сходни, а ты потом спросила, какие

обои лучше купить для кухни.

– Пап, я не буду спрашивать про обои! – воскликнул Ларик. – Я буду слушать внимательно. Как диктофон.

Лагерь Лжедмитрия! Сражение в пойме Сходни! Эти слова звучали как музыка перед каким-нибудь приключенческим фильмом. Сходня – вот она, под окном. Маленькая извилистая речка, которую все называют вонючкой. Так вообще называют мелкие городские речки. Летом Ларик ездил к бабушке в Минск, и там рядом с домом протекала одноименная речушка.

Папа поглощал обед так же быстро, как Остап свой «Педигри». А вот у Ларика с аппетитом всегда были проблемы.

– И не надейся ни на какую прогулку, если не съешь хотя бы полтарелки рассольника, – поставила мама жесткие условия. – Ты хочешь заработать гастрит в двенадцать лет?

– Полтарелки еще можно, – тяжело вздохнул Ларик.

Переходя улицу, Ларик подхватил на руки Остапа. На крутом повороте, из-за которого вылетали машины, он не доверял даже новому поводуку.

Папа шел, по привычке заложив руки за спину и глядя себе под ноги. Ларик понимал: папа пребывает в состоянии задумчивости. И вывести его из этого состояния – дело почти безнадежное. Хоть он и обещал рассказывать про Тушинского Вора, но уже размышляет, конечно, о своем спектакле. Как-то все заботы у родителей совпали: переезд на новую квартиру, новый спектакль у папы и, значит, новый заказ у мамы, которая была художником по костюмам в папином театре.

Только у Ларика не было никаких важных дел, потому что до летних каникул оставалась всего неделя. Могут, конечно, в последнюю минуту появиться неприятности в виде неожиданной годовой тройки по математике. Но вроде бы контрольную он написал... так себе. Скорее всего на четверку.

Ларик шумно вздохнул, заставив папу оглянуться.

– Что ты вздыхаешь? Не нравится поводок?

– Да с поводком все в порядке. А вот ты молчишь, как партизан на допросе. Давай, рассказывай про сражение, раз обещал! И про этого... Лжевора Тушинского.

– Ах, да! Извини.

Папа засмеялся и огляделся вокруг. Они уже прошли летний стадион и остановились на берегу речки.

– Не лжевора, а Лжедмитрия, которого прозвали Тушинским Вором. Это был самозванец, который назвал себя царевичем Дмитрием, возглавил польское войско и захватил Москву. Но русские поляков из Москвы выгнали, и самозванец Лжедмитрий встал лагерем вот здесь.

Отец обвел рукой высокий дальний берег огромного круглого оврага – в диаметре, наверное, километра два. По оврагу протекала извилистая речка Сходня.

– Хорошее местечко выбрал, да? – продолжал он. – Заметь, с того крутого берега все подступы со стороны Москвы были как на ладони.

– А где же сражение было? – нетерпеливо спросил Ларик.

– Ну, – замялся папа, – точно сказать трудно. Здесь, наверное, и было. Я ведь так, в общих чертах знаю.

Он остановился перед большим жестяным плакатом, на котором было написано: «Сходненский ковш. Памятник природы».

– Вот видишь. Еще, оказывается, и памятник природы. Так что тебе, можно сказать, повезло. Рядом с таким местом жить будешь! По истории подготовишь доклад – пятерка обеспечена.

Ларик был разочарован. Поэтому он даже не заметил, как нажал на ручке поводка кнопку, и Остапа подтянуло к нему. Пес, не понимая, что происходит, отчаянно крутил ушастой головой. Мол, что ж такое: гулять вышли, а держат меня, как на привязи!

– А я думал, ты сейчас все покажешь... – протянул Ларик.

– Потом как-нибудь – обязательно, – успокоил папа. – Мне же почитать кое-что надо. Посмотри, красота какая! В этом ковше несколько Лужников поместятся. Кстати, мне кто-то говорил, что здесь хотели строить самый большой в мире стадион. Представляешь, по склону оврага располагались бы трибуны, а внизу, на месте речки, – футбольное поле. Но, конечно, это нереально. Гигантские масштабы. Мяча бы никто не разглядел! Да и строить в пойме речки, наверное, из инженерных соображений невыгодно.

Но Ларику было неинтересно слушать про какой-то там стадион. Вон, есть же рядом стадиончик. Вполне достаточно, если кто-то любит гонять мяч. Ему жалко было, что напрасными оказались надежды на интересный рассказ о былых сражениях... Придется самому в книгах вычитывать. Ларик знал, как скор бывает папа на обещания. Наобещает с три короба, а потом займется своим спектаклем – и поминай как звали! Он уже и сейчас опять погрузился в свои мысли и забыл про Ларика с Остапом.

Правда, положила руку на сердце, это не очень угнетало Ларика. Рыться в книжках и справочниках в поисках каких-нибудь интересных сведений было его любимым занятием. Покупая ему очередную энциклопедию, мама всегда удивлялась:

– Не понимаю, Лариосик: как с твоей компьютерной памятью можно перебиваться с двойки на тройку по алгебре?

Вообще-то Ларик и сам этого не понимал. Хотя и догадывался... Все дело было в том, что он мог запоминать только те сведения, которые были ему интересны. Вот, например, удав, оказывается, моргает всего один раз в год. Потому что у него на глазах есть какие-то особые пленки. Узнав об этом, Ларик попытался не моргать хотя бы минуту – и ничего у него не получилось: из глаз ручьем полились слезы. Вот это интересно, потому и запоминается сразу! А какой интерес в уравнениях с двумя неизвестными? Стоило Ларику подумать об иксах и игреках – и скулы у него сводило от скуки...

Он отпустил поводок. Обрадованный Остап рванул в заросли осоки, будто был охотничьей собакой.

– Фу, Оська! – закричал Ларик. – Сейчас тебе какая-нибудь лягушка морду исцарапает! Да и мыть тебя потом.

Насчет лягушки он, конечно, пошутил. А вот возиться с мытьем непослушного пса Ларику совсем не хотелось. Он обходился легким – как он говорил, косметическим – обтиранием лап.

Они оставили папу на берегу в раздумьях, как какого-нибудь полководца, а сами помчались тропками и без тропок по вытянутому полуострову, образованному руслом реки. Ларик то и дело нажимал кнопки на ручке поводка, но это совсем не мешало Остапу резвиться как сумасшедшему. Он то зарывался мордой в траву, то выпрыгивал из нее, как на пружине.

Папы позади уже не было видно, когда перед Лариком, словно из-под земли, выросли два типа. Один держал на цепи огромную овчарку, в руках второго была раскрытая папка с какими-то бумагами.

– Стоп-стоп-стоп! – сказал тот, что держал овчарку. – Пацан, ты куда? И придержи своего волкодава, видишь, мой щенок совсем испугался!

Они дружно расхохотались над своей дурацкой шуткой. Остапа и не надо было сдерживать – он сам прижался к ногам хозяина.

– А что такое? – спросил Ларик. – Я же гуляю...

– Гулять теперь будешь возле дома, – холодно сказал человек с папкой. – С сегодняшнего дня.

– А почему? – машинально спросил Ларик.

Он уже готов был подхватить на руки своего Осика. Потому что овчарка прямо-таки рвалась на цепи! И утробно рычала, не тратя зря силы на пустой лай...

– Потому что кончается на «у»! – отрезал незнакомец. – Здесь все будет ограждено флажками, а потом и забор выстроим. Так что... – Вдруг он встrepенулся и крикнул своему спутнику: – Смотри, смотри, побежал! Спускай!

Оглянувшись, Ларик тоже увидел бегущего вдалеке человека. Одет он был странно, совсем не по-летнему. Да и несуразная куртка была, пожалуй, великовата. Такую одежду носят бомжи или нищие, которые копаются в мусорных баках и спят где-нибудь в кустах. Ларик часто видел, как они собирали бутылки в траве вдоль берега. Наверное, один из таких бродяг и убежал сейчас подальше от этих людей с овчаркой. Видимо, их первая встреча уже состоялась раньше...

Отчаянно размахивая руками, человек в несуразной куртке оглядывался. Видно было его перекошенное от ужаса лицо.

– Ишь, бомжик, прикинулся спящим, а сейчас решил ноги сделать, – хмыкнул хозяин овчарки и отцепил поводок. – Фас!

Овчарка рванула с места и распласталась в плавных, мощных прыжках. Ларик остолбенел, наблюдая, как сокращается расстояние между собакой и бегущим человеком. Бомжу негде было спрятаться. Толстые кривые ивы, на которые можно было забраться, чтобы спастись от собаки, росли далеко в стороне. А перед бегущим находился только высокий берег и под ним – речка.

Бомж последний раз оглянулся и судорожно накрыл голову руками. В это время овчарка уже находилась в броске. Она прыгнула человеку лапами на спину, вцепившись зубами в воротник, и мотнула головой. Даже на расстоянии был слышен треск раздираемой одежды. Человеческий вопль заглушился всплеском воды. Овчарка чудом удержалась на берегу.

– Фу, фу, Ярый! – отрывисто скомандовал хозяин.

Овчарка с неохотой оглянулась и стала бегать по берегу, припадая на передние лапы, словно собиралась преследовать свою жертву дальше.

Через некоторое время бомж выбрался на противоположный пологий берег. Он размахивал одной рукой, а другой держался за шею. С него ручьями стекала вода, но он не останавливался. Хлюпая по грязи, бомж старался выбраться на

сухое место. Наконец ему это удалось, и, то и дело оглядываясь, он побежал, ковыляя, подальше от реки.

– Ч-что вы делаете? – пролепетал Ларик, подхватывая Остапа на руки. – Она же могла загрызть...

Незнакомцы довольно расхохотались.

– Как пить дать! Вот и пусть знает, что это место отныне для него заказано. Ярый освобождает территорию!

Ларик попятился. Он боялся, что сейчас подойдет поближе папа и... Если даже ничего не произойдет, если папа просто увидит этих противных типов со страшной овчаркой, то Ларик уж точно не выйдет с Остапом дальше песочницы у подъезда.

– Пацан, ты въехал, что сюда ходить нельзя? – услышал он за спиной, когда уже со всех ног бежал по тропинке. – И друзьям своим расскажи!

Запыхавшись, Ларик подбежал к папе.

– Что ты его на руках носишь, как щенка? – удивился тот. – Давай испытывай поводок! Кстати, а что там за шум был?

– Там... Там просто собак выгуливают... – пробормотал Ларик, не выпуская из рук испуганного Оську. – Пошли отсюда!

Папа пожал плечами. Видно, такая короткая прогулка его вполне устраивала.

– Что ж, пойдем, раз ты хочешь. Мне, кстати, звонить должны. Вечерком еще разок выйдем.

«Выйдем, как же! – подумал Ларик. – И что за дела творятся в этом памятнике природы?»

Он оглянулся на дальний склон оврага за речкой. По нему, скрываясь за кустами, поднималась еле заметная фигурка.

«Этот-то уж точно не вернется!» – пронеслось у Ларика в голове.

Он опустил Остапа на землю только на стадионе. В глазах собаки читалась укоризна: «Ну и прогулочка! И чего мы сюда пошли?»

Глава II

Полет в преисподнюю

Лариосик! Опять ты торчишь у зеркала?

В прихожей было сумрачно, и мама по дороге на кухню наткнулась на Ларика, который внимательно вглядывался в свое отражение.

– Ты бы хоть свет включил. Странное занятие – смотреться в темное зеркало... И что там можно рассмотреть, кроме своих блестящих глаз? – улыбнулась она. – Хотя вообще-то я в детстве тоже такая была. Все разглядывала свои веснушки-конопушки. Но мне-то простительно, я девчонка. А ты? Ты же мальчишка, тебе nipочем должны быть и веснушки, и уши торчащие, и чубик твой смешной... Так даже интереснее: никто тебя ни с кем никогда не спутает!

Последние слова донеслись уже из кухни. Любит мама поболтать, только дай ей повод. Но ведь и меру, в конце концов, надо знать. Сравнить Ларика с девчонкой! Да плевать ему на свои веснушки с ушами! Вот прямо в зеркало может и плюнуть... И челка эта странная – пусть растет себе на здоровье. Посреди самых обыкновенных Лариковых волос торчала одна абсолютно белая прядь. Прямо впереди, на самом видном месте. Многие думали даже, что Ларику специально подкрасили волосы. Он часто ловил на себе любопытные взгляды.

Но сейчас Ларик был занят не волосами, не веснушками и не ушами, похожими на маленькие локаторы. Он все вглядывался и вглядывался в свои глаза, пока от напряжения не выступали слезы. Ларик вытирал их и снова сверлил взглядом зеркало. В эти минуты он представлял, что видит своего злейшего врага. Да что там своего – злейшего врага всего человечества! Этот тип в зеркале грозил уничтожить всю Москву со всеми ее жителями и домашними животными... И

Ларик его люто ненавидел! Он готов был стереть в порошок это мерзкое существо. Испепелить взглядом!

Наконец Ларик заскочил в ванную, чтобы промыть мокрые и красные глаза.

«Уже получше получается, – отметил он. – Если почаще тренироваться, то можно сделать свое лицо если не мужественным, то хотя бы не таким детским».

Вчерашняя встреча на берегу речки заставила Ларика возобновить тренировки. А то, увлекшись переездом на новую квартиру, он совсем перестал воспитывать волю, взгляд, выдержку. В одной старой брошюрке Ларик прочел о таком методе самовоспитания. Надо признаться, этот метод хоть и казался крайне простым, но требовал необычайной сосредоточенности. Да к тому же еще и времени.

Вот и мама заметила, что Ларик смотрится в зеркало, как девчонка. А рассказывать ей о своих тренировках ему совсем не хотелось. Сразу начнутся расспросы: а зачем, а почему, а кто тебя обидел?

Наградили же его родители имечком – Илларион! Да еще называют Лариосиком, потому что, видите ли, очень любят книжку Булгакова, в которой есть такой персонаж... Из-за этого сюсюкающего имени, наверное, до самой старости будет у Ларика детское лицо. Вот и приходится самому тренироваться, чтобы хоть немного его подправить.

Ларик подумал, что даже Остапу досталось более мужественное имя, чем ему. Хотя щенка назвали, можно сказать, в честь самого Ларика.

Как-то раз в дверь большой коммунальной квартиры, в одной из комнат которой жил Ларик с родителями, позвонили. А через минуту в прихожей уже раздавались возмущенные голоса. Жильцы, вышедшие из своих комнат, спорили: что же делать с маленьким щенком, которого подбросили под дверь?

– А мы что, крайние, что ли? – ворчал одинокий старичок Ромуальд Евгеньевич. – Перенести его на нижний этаж, и точка!

– Надо позвонить в такую службу, где принимают всякую живность! – воскликнула тетя Катя, учительница.

Дверь в комнату, где жил Ларик, осталась открытой. И щенок, недолго думая, направился напрямик туда. Все засмеялись и разошлись по своим комнатам. Пусть, мол, разбираются со щенком те, кого он сам выбрал.

Папа с мамой, конечно, не собирались заводить собаку. Но они никак не могли решиться вынести куда-нибудь щенка – такого жалкого, ласкового. А про Ларика и говорить нечего. Он с первого взгляда понял, что щенок пришел именно к нему!

– А назовем как? – спросил папа. – Между прочим, это мальчик.

– А раз мальчик, пусть будет Осик, – вдруг придумала мама. – Ларик обижается, когда его Лариосиком называют. Вот мы и поделим его имя пополам. Он останется Лариком, а Осиком будет это милое существо. А, так сказать, по паспорту, он будет называться Остап!

Папа с Лариком согласились. Потому что мамина выдумка показалась необычной. Лариосик – это Ларик плюс Осик.

– Просто и гениально, – сказал папа. – Ты бы еще ему породу придумала, а? По-моему, он совершенно беспородный. Чем-то напоминает Лиса из «Маленького принца». Такой же ушастый.

– Ну, здесь я уже бессильна! – рассмеялась мама. – Будем надеяться, что и у беспородных собак характер бывает неплохим. Плюс хорошее воспитание... – Мама хитро посмотрела на Ларика. – А это уже от тебя зависит.

– Воспитаем, чего там! – радостно махнул он рукой. – Благородный будет песик.

«Благородный песик» сразу сделал посреди комнаты лужу. И его сразу же потыкали в нее острой мордочкой. Ларик чуть не взвыл от такого обращения с собакой:

– Он же маленький! А вы сразу...

– Вот и приступай сам к воспитанию, – заявила мама. – Для начала выведи его погулять.

Щенок оказался понятливым. Лужи в квартире больше не появлялись. Да и вообще Оська, Осик, Остап – по-разному называли щенка родители и Ларик – удивлял своим умом.

«Значит, дело не в породе, – думал Ларик, – а в обыкновенной порядочности».

Взять хотя бы этих двух типов, которые вчера встретились Ларику у реки. Какой они породы? Человеческой. А выглядят как хищники. И почему они чувствуют себя хозяевами в овраге, называемом памятником природы? Вот это Ларик обязательно должен узнать! Потому что, если разобраться, этот овраг – его. И его родителей, и мальчишек, гоняющих на стадионе мяч, и старушек, прогуливающих по берегу своих собак...

Одним словом, после той неприятной встречи Ларик был настроен очень решительно. Поэтому и возобновил свои тренировки перед зеркалом. Сейчас ему как никогда нужны были смелость и решительность! А если этих качеств у него маловато от рождения, то, конечно, их надо в себе воспитывать. Тренируют же собак. А что, Ларик глупее?

После обеда папа уехал в свой театр, а мама ушла в кабинет рисовать эскизы костюмов. Постукивая хвостиком по ковру, Остап поглядывал на Ларика. Что, мол, будем делать?

Ларик в это время заканчивал качаться. Гантельки, конечно, у него были так себе, по два килограмма, но папа говорил, что в его возрасте это в самый раз.

– Главное постепенность, – объяснял он. – А то надорвешь мышцы, и никогда они не смогут расти и развиваться. И заниматься надо каждый день. Любые занятия или тренировки – это как плаванье против течения. Остановился, прекратил трудиться – и тебя уже далеко отнесло обратно...

Ларик понимал это. Для него «обратно», в смысле занятий физкультурой, – это уж вовсе в никуда. Когда Ларик у зеркала напрягал бицепсы, ему сразу вспоминался мультфильм «Ну, погоди!». Тот эпизод, когда кривые зеркала в комнате смеха увеличивали мускулы Зайца и уменьшали – Волка. Лариковы мышцы как раз и были такими, как у Волка из мультфильма.

«Или как у какого-нибудь ботаника», – со вздохом думал он.

– Собирайся, – сказал Ларик, как будто Остап должен был одеваться.

Как только звякнул ошейник с поводком, пес быстро вскочил. Ему не надо было второго приглашения.

– Вы куда это? – Мама выглянула из кабинета. – А к контрольной готовиться?

– Написали уже контрольную, – отмахнулся Ларик. – Завтра будут результаты известны. Быстрей бы это закончилось...

Они побежали по лестнице, прошмыгнув мимо лифта. Тоже для тренировки. Вниз-то еще ничего, даже не ощущается, что четырнадцатый этаж, а вот вверх... Иногда Ларик не выдерживал и на каком-нибудь этаже заворачивал на лифтовую площадку. Но, постояв несколько секунд, он понимал, что допустил слабость, и дергал Остапа за поводок, все-таки завершая подъем пешком.

«Победа над собой, над своей ленью – самая важная», – вспоминал он папины слова, еле переводя дух перед дверью своей квартиры.

Правда, эти слова хотелось вспоминать только тогда, когда ему удавалось победить свою лень. А вот когда не удавалось – то не очень...

Ларик решил сразу не спускаться к речке, а обойти весь овраг поверху. С балкона он рассчитал свой маршрут, осматривая окрестности в бинокль. Вообще-то в их новой просторной квартире было три балкона. С одного из них вид открывался прямо на овраг. Красота, как говорит мама, неопишуемая! Речка извивается между кустами-шариками, луг издали кажется ровненьким ковром, по склону оврага разноцветные деревья разбросаны, будто художник сделал на картине несколько мазков. И вот эту красоту Ларик сейчас увидит с разных сторон. Потому что обойдет овраг по самому гребню, там как раз прогулочная тропинка сделана. Правда, это довольно далекий путь. Если Сходненский ковш в диаметре километра два, то в окружности получится километров шесть.

«В самый раз для энергичной прогулки», – решил Ларик.

Остапу, правда, сегодняшней маршрут вначале не очень понравился. Потому что сразу надо было идти вдоль шумной дороги, поднимаясь к верхней кромке

ковша. Не любил Остап эти машины! Он морщился и чихал, когда мимо них медленно полз огромный автобус, от которого валил черный густой дым.

Но вот когда они свернули на тропинку, идущую по самому краю обрыва, воздух стал заметно чище. И не только потому, что дорога осталась в стороне. Просто отсюда, сверху, просматривалась вся Москва! И ветер был такой сильный, что, конечно же, сразу уносил куда-то выхлопные газы от машин и автобусов.

Ларик увидел далеко, за оврагом, свой дом и вычислил балкон, с которого совсем недавно рассматривал окрестности. Они с Остапом сейчас находились даже выше последнего, семнадцатого этажа.

Ларик с радостью подумал о том, что его дом находится в самом лучшем месте на свете! Ему совсем не было жалко, что они переехали в далекий район из самого центра, с площади Маяковского. Он даже сравнил себя с Маленьким принцем, у которого была своя планета. А у Ларика есть свое любимое место на земле – вот этот простор над огромным оврагом, речка, дом...

Его мысли были прерваны настороженным рычанием Остапа. Ларик даже споткнулся от неожиданности. Он никогда прежде не слышал от своей собаки таких звуков.

«Ого!» – только и успел подумать он, оглядываясь вокруг, чтобы увидеть причину такого беспокойства.

Впереди на тропинке стояли те самые типы, встреча с которыми внизу, у реки, так взбудоражила вчера Ларика! На этот раз они были без овчарки. Но с каким-то прибором, напоминающим короткую подзорную трубу на треноге. Толстяк, который, видимо, был начальником, стоял, заложив руки за спину, и задумчиво смотрел вниз. А другой, длинный и худой, заглядывал в прибор и делал какие-то пометки на карте местности.

Ларик даже удивился: до чего же эта пара похожа на восклицательный и вопросительный знаки! И как это ему не пришло в голову во время первой встречи? Но до того ли тогда было – думать, на кого похожи эти ненормальные! Ларик вчера больше смотрел на их собаку, на ее огромную пасть с противной пеной по краям...

– Ну, и что нам предстоит? – любопытствовал коротышка, скосив глаза в карту.

– Сейчас, сейчас, одну минуточку... – поднял руку, не отрываясь от прибора, Долговязый.

Потом он выпрямился, но его голова все равно осталась наклоненной.

«Наверное, привык так разговаривать со своим хозяином, – сердито подумал Ларик. – Нагнись, нагнись пониже, а то он не услышит!»

– Не так все страшно. – Вопросительный был доволен. – На карте все выглядит значительно сложнее. А на местности становится ясно, что не обязательно перекапывать всю эту яму. Начнем с мест наибольшей вероятности.

И тут он заметил мальчика с собакой. От его колючего взгляда у Ларика по спине побежали мурашки.

– Ты чего это опять у нас под ногами путаешься, а? – грозно произнес Вопросительный.

Ларик в растерянности оглянулся:

– Я? Я... не путаюсь.

– Да ты, я вижу, везде успеваешь, – добродушно, как вначале показалось, буркнул Восклицательный. – Или вас несколько – братьев-близнецов?

Долговязый угодливо захихикал.

Ларик поддернул к себе поводок, забыв о том, что на ручке для этого есть кнопочка. Да сейчас он, наверное, обо всем на свете забыл – так неожиданно испортили ему всю радость эти два типа. От растерянности Ларик рассердился. И сам не понял, как получилось, что он закричал срывающимся голосом:

– А вас сколько? Это вы всем мешаете! Людей собаками травите... Кто вы такие?

Толстяк прямо-таки готов был лопнуть от смеха. Видно было, что он наслаждается собственным хохотом.

– Ого! – протирая заслезившиеся от смеха глаза, выдохнул он. – Ко-ко-миссия! Проверка! Больше не будем, отпустите нас!

Долговязый так же противно подхихикивал. Наконец толстяк успокоился.

– Все, пацан, иди, не мешай работать. Вот тут можешь гулять. А туда, – показал он на дно оврага, – и не думай больше ходить. Собачка у тебя хорошая, пушистенякая, а там ее наши овчарки ненароком разорвут...

И он протянул свою руку с толстыми короткими пальцами к Остапу, словно собираясь потрепать его по спине. Пес попятился, запутался в поводке. Ларик стал крутиться на месте, освобождая поводок, и совсем не заметил при этом, что стоит на самом краю тропинки...

Одна нога соскользнула вниз, Ларик взмахнул руками и кубарем покатился вниз по крутому склону. Перед глазами мелькали ветки кустов, кочки травы, синее небо... Непонятно было, где верх, где низ. То есть низ был, конечно, там, куда Ларик летел. Но он не успел об этом подумать. Он и испугаться успел только на половине своего «пути» – когда больно царапнула по уху острая ветка.

За ним на растянувшемся во всю длину поводке летел Остап. Бедный Оська! Он упирался изо всех сил и, наверное, смог бы остановиться, но Ларик не выпускал поводок из сжатого кулака.

Кувыркание прекратилось только на дне оврага, когда Ларик влетел в невысокий можжевельниковый куст. Он-то и смягчил последний удар. Голова кружилась так, что подняться не было никакой возможности.

«А вдруг я придавил Остапа?» – с ужасом подумал Ларик, беспомощно пошевеливая руками-ногами и глядя в чистое высокое небо.

Но верный пес уже был рядом. Со всего размаху он прыгнул на грудь хозяину и стал быстро-быстро лизать его щеки.

– Собирай треногу, сматываемся! – послышался сверху глухой голос. – А то подумают, что мы пацана столкнули!

Глава III

Скорая помощь на дне оврага

– Помогите! – зазвенел рядом звонкий голосок, до того пронзительный, что Ларик вздрогнул и открыл глаза.

Над ним стояла девчонка и кричала, глядя вверх. Потом она наклонилась и спросила:

– Ты живой? Я ужас как испугалась! Летишь прямо на меня, как с горки ледяной! Мы здесь зимой с горки катаемся. Только самые смелые могут в этом месте съехать. Как я... – Девчонка опять взглянула вверх. – А там два дядьки. Я им кричу, а их как ветром сдуло. Взрослые называются!

Девчонка тараторила так быстро, что Ларик сразу пришел в себя. Откуда она здесь взялась? Он-то понятно – скатился кубарем, оступившись, и Остапа за собой потащил. А девчонка? Она была какая-то странная... Прищурившись от солнечного света, Ларик разглядывал ее.

Девчонка присела и воскликнула:

– Ой, да у тебя кровь из уха течет! Подожди, я подорожник приложу. Хотя нет, а то еще инфекцию занесем. Давай я лучше платочком завяжу.

Ларик взял из ее рук платок. Не хватало еще, чтобы его, как раненого, перебинтовывали! Что он, на поле боя?

Приложив платок к уху, он взгляделся в лицо незнакомки. И от удивления стал закрывать то один свой глаз, то другой. Ему показалось, что у него что-то случилось со зрением. У девчонки были разного цвета глаза! Оба яркие, но в одном будто отражалось небо, а в другом – зелень травы и кустов.

- Что ты так моргаешь? Тебе больно? - спросила она, протягивая руку.

Ларик отшатнулся и сел.

- Н-нет. Ч-что это у тебя с глазами? - заикаясь, спросил он. - Р-разноцветные...

Девчонка засмеялась:

- Заметил! Значит, пришел в сознание. Ну да, разноцветные. Но это со временем пройдет. Мама сказала, что через два года глаза будут или голубые, или зеленые. А я все выбрать не могу. Как ты думаешь, какие красивее?

Ларик хотел покрутить пальцем у виска, но вовремя опомнился. Жаль было обижать эту странную девчонку, невесть откуда свалившуюся в овраг. Хотя нет, это он свалился, а она - просто непонятно откуда взялась.

- Зеленые интересней, - буркнул он, поморщившись, потому что повернул голову и воротником курточки задел ухо. - А ты что здесь делаешь? Одна, без собаки.

- Какой собаки? А, ты думаешь, что я собаку здесь выгуливаю? Собачки у меня нету. - Девчонка уже вовсю гладила Остапа, который довольно прижмуривал глаза. - Я в магазин шла. У нас в новых домах магазины плохие, я всегда хожу в старый район.

- На автобусе надо ездить, - посоветовал Ларик. - Здесь знаешь какие собачки гуляют? Не такие, - кивнул он на Остапа, - а в десять раз больше. Будешь как Красная Шапочка...

- А я их не боюсь, - отмахнулась девчонка. - Ты что, не знаешь, что собаки, даже самые злые, чувствуют, боятся их или нет? И нападают только на трусливых. Тем более я уже не раз проверяла: у меня взгляд необычный. Я смотрю на собаку, и она не выдерживает, глаза вниз опускает!

Ларик хмыкнул. Интересно, если бы она увидела, как овчарка бросилась на бомжа и столкнула его в реку - говорила бы сейчас так?

– Да я здесь ничего не боюсь, – продолжала девчонка. – Потому что все знаю! Я же с самого начала здесь живу.

– С какого начала? – Ларик улыбнулся: все-таки ее манера говорить смешила его. – С сотворения мира?

– С первого дома на нашей улице. Вон там, видишь, новые дома? – Девчонка показала через овраг. – Петушки называются. Потому что улица Петушкова, а мы зовем просто Петушки. Ты даже не представляешь, что здесь было лет семь назад, когда мы сюда переезжали! Первые, между прочим. Грязь, стройка, ужас! А сейчас – вполне Москва.

– Значит, мы соседи, – улыбнулся Ларик.

– Ну конечно, я так и поняла, раз ты с собакой. Лишнего ума для этого не надо! Только я думала, что ты с этой стороны оврага живешь, в старом районе. Я же тебя раньше не видела ни разу.

– Да мы не такие рекордсмены, – ответил Ларик и поморщился. Он поднялся на ноги и почувствовал, как болит все тело. Хорошенько его помяло, пока летел! – Мы совсем недавно переехали. Я вот только осваиваю местность.

Девчонка не удержалась от смеха:

– И начал с полетов! Кстати, местечко для этого ты выбрал удачное. Мы же здесь зимой все неровности сгладили. Ну, в смысле, ледянка здесь проходит. С самого верха – и до речки. Километр можно катиться! Правда, обратно долго подниматься.

– Крутовато катаетесь, – буркнул Ларик, потирая ушибленный бок.

– Как кто хочет. Если в том месте, которое ты выбрал, то скорость, конечно, космическая. А вон там, где тропинка в гору поднимается – я по ней в магазин хожу, – там кататься и малыши могут.

Ларику уже стало надоедать ее щебетание. Ну сколько можно об этой горке, будь она неладна! Он посмотрел вверх, и ему показалось, будто он слышит шум

какого-то спора. Неужели опять эти двое что-то затеяли? Прямо вездесущие типы!

А девчонка спокойненько отряхивала Ларика со всех сторон ладошкой, будто он просил ее об этом.

– Да не надо, я сам, – отстранился он, снимая и встряхивая куртку.

– Чтобы ты не напугал своих родителей, пошли со мной, – взглянув на Ларикино пострадавшее ухо, с которого слетел платочек, сказала девчонка. – Видишь здание на горе? Тушинская детская больница. Там моя мама работает. Она тебе обработает ухо, заклеит – и не будет так страшно, когда ты домой придешь. Мне в этой больнице аденоиды по знакомству удаляли.

– И что, не больно по знакомству? – усмехнулся Ларик.

– Все равно больно. Еще больнее... Пошли-пошли. Не бойся! Там, правда, обычно родители детей приводят. Но меня охранники знают, сразу маму позовут.

Ларик пожал плечами. Видно было, что девчонка не отстанет, пока не доведет свое доброе дело до конца. Вот если бы только болтала она поменьше...

– Пошли, – дернула она за Оськин поводок, который, оказывается, уже давно был в ее руках. – А как его зовут?

Ларик засмеялся:

– Уже полчаса, наверное, болтаем, а только сейчас пришло в голову познакомиться. И то с собаки начали. Он – Остап, а я – Илларион. Ларик, короче.

– Ой, а я догадываюсь, как тебя называют! – обрадовалась девчонка. – А ты сердисься! Лариосик, да? Я фильм смотрела. Такой смешной в нем был Лариосик...

– Лариосиком нас зовут вместе с Остапом, – серьезно объяснил Ларик. – Ларик плюс Остап равно Лариосик. А меня одного так звать ни к чему.

– Ладно, не буду, – поняла девчонка. – А меня склоняй как хочешь. Все равно все на Вильке останавливаются. Никто же не будет звать полным именем – Вилия. Вилька, Вилка – я не обижаюсь.

– Редкое имя.

– А у тебя? Тоже! Сейчас все стараются поинтересней детей назвать. Мне мама говорила, что времена Коль и Петь прошли.

– Ты только не скажи это какому-нибудь Коле или Пете, – посоветовал Ларик. – Ну, веди на свою живодерню.

Подниматься в гору ему было тяжеловато.

«Это не вниз лететь», – вздохнул Ларик, оглядывая траекторию своего стремительного спуска.

Ничего себе! Да он пролетел по меньшей мере метров сто, а то и все двести!

Вдруг над их головами с шумом пронесся параплан. Ларик с Вилькой от неожиданности даже присели: показалось, что пилот заденет их ногами. Но тот успел заметить ребят и даже подмигнул сверху. Наверное, помахал бы и рукой, да руки были заняты: он держался за стропы, регулируя полет параплана.

– Ого! А я и не знал, что они здесь летают, – восхищенно произнес Ларик. – Вот бы полететь!

– Ничего особенного, – махнула рукой Вилька. – Вот дельтаплан, который с воды взлетает, с мотором – другое дело. Я на таком летала, когда мы в Коктебеле отдыхали. Летишь куда хочешь, хоть до самого солнца! А тут что – подпрыгнул и спланировал вниз... Но если тебе интересно, мы, конечно, за ними понаблюдаем. Когда из больницы вернемся, да?

«До солнца!» – хмыкнул Ларик.

Да, с этой девчонкой общаться – точно не соскучишься. Она обязательно или глупость ляпнет, или что-нибудь смешное. И на своем будет до конца стоять.

Ничего себе, на дельтаплане с мотором она летала! Ларик представил, что сказала бы его мама, если бы он только заикнулся о таком полете... Одним словом, интересная личность эта Вилька. Даже среди мальчишек ему такие не попадались. Ну просто веет от нее упрямством, смелостью и уверенностью. Как будто она знает все на свете. А если чего-то не знает, то все равно делает вид, что знает. Обо всем имеет свое мнение, это Ларик уже понял.

Но вот удивительно: при всем этом Вилька вовсе не казалась воображалой. Видно было, например, что ей интересно разговаривать с Лариком. К тому же она не пыталась им командовать. И как в одной маленькой девчонке могут сочетаться такие несочетаемые черты характера?

Впрочем, Ларик недолго думал о Вилькином характере, потому что его внимание привлекли более интересные вещи. На верхней площадке расположилась группа парапланеристов. Распластанные, лежали на траве несколько парапланов, которые готовили к полету. А рядом стояла группа людей. Ларику показалось, что в толпе он заметил знакомую долговязую фигуру.

«Неужели они и спортсменам жить не дают?» – обеспокоенно подумал он.

– Слушай, а ты ничего странного не замечаешь? – спросил он Вильку. – Когда ходишь напрямик через овраг?

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, людей новых, собак. Мне уже два раза какие-то типы советовали здесь не гулять. По-моему, они сейчас и спортсменов чем-то пугают...

Действительно, среди ярких пятен, лежащих на траве, уже бегали взад-вперед люди, о чем-то ожесточенно споря. Ларик заметил не только долговязого, но и коротышку-толстяка. Тот держал у уха мобильный телефон.

– Вон, видишь этого толстяка с мобильником? – показал Ларик Вильке. – А с ним вместе ходит вокруг оврага жердина такая длинная – помощничек. Это же из-за них я в овраг скатился! Что-то они здесь затеяли... Неужели ты ничего не знаешь?

– Значит, это самые свежие новости. – Вилька словно приюхалась к воздуху, в котором эти самые новости разносились ветром. – Но мы же в больницу идем, да? Вот замажем все наши раны, а тогда и разберемся со всеми толстяками и их помощниками...

Взглянув на нее, Ларик сразу понял: так оно и будет. В глубине души у него даже шевельнулась жалость к своим обидчикам. Чутье подсказывало ему: не очень веселая жизнь ожидает этих типов на берегу памятника природы под названием «Сходненский ковш», если разобраться с ними решила Вилька! А чутью иногда следует доверять – ведь не просто так оно дается человеку.

Глава IV

Параплан сгорает на земле

Сквозь стиснутые зубы Ларик втягивал в себя воздух, пока Вилькина мама смазывала ему ухо какой-то вонючей гадостью. Звук получался такой, будто чайник со свистком начинал закипать.

– Ну-ну-ну, все в порядке, – приговаривала она. – Можешь бежать, гулять дальше. Только скажи Вилюське, чтобы зашла ко мне на минутку, хорошо?

Вилькина мама улыбнулась и потрепала Ларика по волосам. Она была совсем не похожа на свою дочку. У Вильки лицо круглое, словно циркулем вычерченное, а у ее мамы – обыкновенное, овальное. И глаза обыкновенные – карие.

– Приметная у тебя голова, – сказала Вилькина мама, имея в виду белую прядь. – Ни с кем не перепутаешь.

– Спасибо большое! – воскликнул Ларик, захлопывая дверь.

«Приметная, конечно, – подумал он. – Такая же приметная, как глаза ее дочери. Про нас кто-нибудь обязательно скажет: в цирке таких надо показывать...»

Вилька с Остапом ожидали Ларика на скамейке под больничными окнами. Пес вел себя на удивление спокойно. Значит, привык к девчонке. Ларик с удовольствием это отметил. Он помнил, как мама говорила про Остапа, что тот чувствует хороших людей и совершенно успокаивается рядом с ними.

«Значит, и Вилька – хороший человек», – подумал он.

– Тебя мама зовет. – Ларик махнул головой с заклеенным ухом. – Скажи, что я ей очень благодарен и рад был познакомиться.

– А сам почему не сказал? – удивилась она.

– Спасибо я сказал, не бойся. Но ведь надо и все остальные приличия соблюдать.

Вилька весело засмеялась:

– Первый раз встречаю такого воспитанного мальчика. Как в книжке! Так приятно... А то в нашем классе мальчишки знаешь, какие слова говорят? Наверное, и не знаешь.

– Ладно, некогда тут, – отвернулся Ларик. – Давай быстрее.

Что он, будет ей сейчас доказывать, что знает все эти слова? Все равно ведь вслух он их никогда не произносит. У них в классе вообще не принято доказывать свою крутизну подобным образом. Именно поэтому, кстати, Лариковы родители решили, что он по-прежнему будет учиться в гимназии на площади Маяковского, хотя из-за переезда на новую квартиру придется тратить на дорогу целый час. Да Ларик и сам этого хотел: он любил свою школу, несмотря даже на вредную математичку. Зато историк у них отличный и на литературе всегда интересно! И немецкий он уже знает так, что даже настоящих немцев отлично понимает – тех, которые каждый год приезжают в их гимназию по школьному обмену.

Остап рванулся вслед Вильке.

«Вот, уже и он привык», – подумал Ларик.

Все-таки он немного ревновал своего верного друга к новой знакомой.

От больницы до площадки парапланеристов – только перебежать дорогу. Но Вилька предостерегающе взяла Ларика за руку:

– Ты знаешь, я поклялась маме, что никогда в жизни не перейду дорогу на красный свет. И даже на зеленый буду переходить осторожненько, поглядывая на машины. Потому что мама в своей больнице столько видела детей, попавших под колеса...

Ларик попытался высвободить руку. Получается, эта девчонка ведет себя с ним как старшая? Но рука не высвободилась. И Ларик не стал вырываться. В конце концов, улицу и правда надо переходить на зеленый – на тот самый цвет, который Вилька выбрала для своих глаз. Кто ж с этим спорит?

«Интересно, а если ее глаза станут голубыми, – думал Ларик по дороге, – или так и останутся разными? Будет Вилька переживать?»

Он взглянул на свою спутницу. Ему казалось, что он уже сейчас готов найти слова для утешения. Обязательно объяснит ей, что главное – не цвет глаз, а что-то другое. Но придумать, что именно «другое», Ларик решил как-нибудь потом.

Когда они подошли к площадке, там уже никто не летал. Все спортсмены были заняты выяснением отношений с двумя типами – старыми знакомыми Ларика. Толстяк Восклицательный передал свой мобильник старшему группы парапланеристов, и тот что-то кричал в трубку, жестикулируя. А долговязый Вопросительный с невозмутимым видом ждал результатов разговора.

Ребята подошли поближе.

– Ну, что я вам говорил? – спросил Восклицательный растерянного спортсмена. – Вам то же самое повторили из управы округа. Не так ли?

– Да здесь какое-то недоразумение! – воскликнул пилот. – У нас есть разрешение. При чем тут Крылатские холмы? Что они – единственное место в Москве? Смотрите, мы никому не мешаем. Пустырь ведь внизу!

– Пока пустырь, – заявил Восклицательный. – Но уже завтра там все будет обнесено забором. Что нам, каждый раз вас из-за забора доставать? С помощью собак?

«Опять собаками грозитя!» – возмущенно подумал Ларик.

– Но телефонный разговор ничего еще не значит! – воскликнул спортсмен. – Я сегодня же запишусь на прием к префекту округа!

– Пожалуйста. Ваше право, – зло отрезал Восклицательный. – Но я бы вам советовал не терять время, а прямо сегодня перебираться в Крылатское. Кстати, и близенько здесь. Грузите ваши парашюты в машины – и по Кольцевой. Через полчаса уже будете летать, как все люди. Там, там ваше место, – махнул он рукой за видневшуюся вдали Москву-реку.

– Смотри, вон и второй стоит – тот, долговязый, – показал Ларик. – Когда он со своим боссом разговаривает, то наклоняет голову, как вопросительный знак.

Вилька хихикнула:

– А ты наблюдательный. Так и будем теперь их называть – Вопросительный и... Например, Клякса!

– Нет, босс похож на восклицательный знак, – не согласился Ларик. – Посмотри – толстенький такой, жирный столбик. Раз они такая пара – пусть знаками и останутся.

– А это кто? – спросила Вилька. – С Вопросительным рядом?

Наклонившись, Вопросительный что-то нашептывал прыщавому подростку.

– Не знаю, – пожал плечами Ларик. – Какой-нибудь местный.

– Местного я знала бы, – не согласилась Вилька. – Наверное, просто поглазеть забрел.

Толстяк щелкнул пальцами, подзывая своего помощника.

«Как собаку зовет», – подумал Ларик.

Довольно улыбаясь, Вопросительный и Восклицательный развели руками перед спортсменами – мол, вот такие дела! – и пошли к дороге, где их ждала машина.

– Уже который раз я наблюдаю, как они портят людям жизнь! – воскликнул Ларик. – Все чем-то занимаются, даже просто гуляют... И вдруг эти появляются – и сразу все кувырком!

– Ничего, мы от них не отстанем, – успокоила его Вилька. – Обязательно узнаем, что они здесь собираются делать. Не нравятся они мне, что и говорить.

– Не нравятся! Да они просто отвратительные какие-то. Вот, напакостили, а сами довольные усаживаются в свою машину!

– Пошли расспросим, в чем дело, – предложила Вилька.

Спортсмены бурно обсуждали так неожиданно возникшие у них проблемы. Вокруг толпилось много народу. Кто-то давал советы, дети толкались на пологом склоне, их веселая ватага то сползала вниз между разостланными куполами парашютов, то опять выбиралась наверх. Если бы не трава, не зелень кустов, то можно было бы подумать, что сейчас зима и детишки резвятся на краю ледяной горки.

Ларик заметил среди них того самого прыщавого подростка, с которым разговаривал долговязый.

«Что это он с детьми возится?» – подумал Ларик.

Странно вел себя этот Прыщ, как сразу окрестил его Ларик! Он словно притворялся маленьким: толкался так же, как дети, падал на траву, кувыркался... Но при этом все время поглядывал вверх, на взрослых. Оказавшись у самого крайнего парашюта, он вдруг наклонился и затряс рукой, словно что-то вытряхивал из рукава. Потом бросил какой-то маленький предмет и шмыгнул за ближайšie кусты. По их шевелению можно было понять, что Прыщ устремился вниз, как мячик, который катится в густой траве.

А на том месте, где он только что находился, вдруг взметнулся небольшой язычок пламени! То есть это вначале он был небольшим. Но уже через несколько секунд огонь метнулся пятном по куполу, словно приподнимая его. А тут еще налетел ветер, шевельнул полотнище парашюта, и стало слышно, как шумит пламя – вместе с потрескиванием горящей сухой травы.

Ребятишки с визгом поползли наверх.

– Горит, пожар! – закричал кто-то из взрослых.

Начался переполох. Кто-то рванул на себя пучок строп горящего парашюта, но от этого пламя взметнулось еще выше.

– Детей, детей оттаскивайте! – крикнула толстая тетенька, хватая малышей, которые стояли с ней рядом.

Кто-то успел вытащить из машины огнетушитель и шипел им с большого расстояния. Пена не долетала до огня, потому что подойти близко было невозможно.

К счастью, пламя так же быстро погасло, как и возникло. Парашют сгорел, как газета. Остальные купола, лежащие рядом, взрослые все же успели оттащить в сторону. Только разлетались по ветру хлопья черной сгоревшей ткани и оседали внизу на кустах...

В шуме голосов ничего нельзя было расслышать. Казалось, все только и повторяли: «Что это? Кто поджег?»

Ларик дернул Вильку за руку:

– Побежали!

– Куда? – не поняла она.

– Вниз, вниз, за ним! Я видел, это он сделал!

И, ничего больше не объясняя, Ларик рванул к краю самой пологой тропинки, ведущей на дно оврага.

Вилька и Остап понеслись за ним. Ларик боялся только одного: что он споткнется, и тогда... Опять повторится его стремительный спуск! Он тормозил изо всех сил, чтобы, если не удержится Вилька, поддержать и ее.

Они перевели дух только в том месте, где тропинка становилась горизонтальной.

- Ты с ума сошел! - выдохнула Вилька. - Испугался?

- Да нет. - Ларик огляделся. - Я видел, как этот Прыщ - ну, который с долговязым разговаривал, - поджег парашют! И скрылся внизу, в этих кустах. Куда эта тропинка ведет?

- К речке... - До Вильки наконец дошел смысл их стремительного побега. - Вдоль берега к мостику.

- Побежали быстрее! - Ларик опять устремился вперед. Он убедился, что с Остапом все в порядке, поводок не запутался, и пес даже подпрыгивает на месте от нетерпения: наверное, все произошедшее кажется ему веселой игрой. - Не станет же он вброд речку переходить!

Вилька поняла. Им надо быстрее добраться до мостика! И догнать этого прыщавого пацана - виновника, как уверяет Ларик, неожиданного пожара.

Через пять минут они уже стояли у мостика. Вокруг не было ни души.

- А ты не ошибся? - спросила Вилька. - Ведь там такая толпа была.

- А чего он тогда смылся, как партизан после взрыва? - отмахнулся Ларик. - Да я видел, как он чем-то брызгал на парашют! Я еще подумал: вот странно, что это он вытряхивает? А потом он что-то бросил - наверное, зажигалку, - и сразу запылало.

– Зажигалка сразу же погаснет, если ее из рук выпустить, – с невозмутимым видом знатока заметила Вилька.

– А может, там и не зажигалка была. Откуда мне знать всю эту бандитскую технику? – возмутился Ларик. – И что ты его защищаешь? Устроила судебный процесс... Тебе доказательства его вины нужны? Мало того, что я рассказал? Ну и до свидания! Я сам все расследую!

И Ларик, подхватив на руки Остапа, решительно ступил на мостик.

«Вот еще, – думал он, не на шутку рассердившись на девчонку. – Мало того что быстро бегать не умеет, так еще и отвлекает всякими там вопросами. Разберемся сами, разберемся!»

А Вилька никого останавливать или догнать не собиралась. Если Ларик не может выслушать спокойно, то пусть бежит себе, торопится. Поспешишь – людей насмешишь.

– Эй, осторожно! – крикнула она. – Крайняя дощечка вот-вот проломится!

Ларик отмахнулся, не оглядываясь. Конечно, если бы у него было в запасе время, он мог бы спорить с этой девчонкой, обсуждать разные версии, строить предположения. Но ведь они не книгу вслух читают! Сейчас каждая секунда на счету. Сразу не бросились в погоню – и упустили Прыща. Восклицательный с Вопросом в машине укатили, поджигатель скрылся – и никаких следов преступной деятельности...

А как хотел Ларик задать несколько вопросов этому Прыщу! Не напрямую, конечно. Не дурак же он сразу ляпнуть: «Ты зачем параплан поджег?» Ларик спросил бы что-нибудь про забор, которым собираются обнести всю пойму Сходни, про собак... Если Прыщ – сообщник этих типов, то это сразу станет ясно.

– Вперед, Остап! – сердито крикнул Ларик, благополучно миновав мостик, и поддернул поводок.

Он еще надеялся догнать подростка где-нибудь на улице – на автобусной остановке или возле киосков. Ларик так спешил, что больше ни разу не

оглянулся. И сбылась, сбылась пословица, которую вспомнила Вилька, глядя ему вслед! Пospешишь – людей насмешишь...

Вилька протяжно вздохнула и уже занесла ногу над левой дощечкой мостика, как вдруг услышала позади явственное чавканье. Не в смысле еды, а в смысле шлепанья по грязи. Кто-то пробирался по кустам, которые подступали к речке со стороны болота. А среди этих кустов, как знала Вилька, грязь была непролазной даже летом. Значит, кому-то уж больно приспичило ползать там... Не успела она подумать о том, что человек этот очень спешит – так быстро чавкали его шаги, – как на тропинку из-за крайнего куста выбрался тот самый подросток. Но что же за вид у него был!

Так и специально не вываляешься! Мальчишка был покрыт грязью по самую шею. Наверное, он падал, спотыкаясь на ходу. Он быстро огляделся, попрыгал на месте, стряхивая с себя ошметки грязи, и направился прямо к Вильке.

Она ойкнула и попятилась, чтобы уступить ему вход на мостик.

– Брысь, малявка, – буркнул прыщавый и хлопнул в ладоши.

Полетели грязные брызги, несколько капель попало на Вильку.

И в эту же минуту та самая дощечка, о которой Вилька предупреждала Ларика, попала под ногу прыщавому. Он взмахнул руками, пытаясь сохранить равновесие, и полетел в воду. В этом месте речка была неглубокой, но едва ли купание показалось ему приятным.

– А-а! Холодная! – завопил мальчишка.

Вилька быстро расшнуровала одну из своих кроссовок и болтнула ногой. Кроссовка упала в воду и поплыла по течению.

– Ой, мамочки! – крикнула она. – Мальчик, помоги мне, пожалуйста!

Стоя по пояс в воде, прыщавый заорал в ответ:

– У тебя че, крыша поехала?! Вода ж холодная! Пускай плывет твоя тапочка! – Тут он все же примолк, словно поразмыслив, и деловито сказал: – Помощь денег стоит.

– Вот, у меня есть! – Вилька выхватила из кармана смятую купюру.

– Бросай.

Вилька смяла деньги в комочек и швырнула прыщавому. Тот поймал комочек, развернул и удовлетворенно кивнул. Даже на холодную воду перестал обращать внимание! В несколько прыжков он догнал кроссовку и выбросил на берег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sotnikov_vladimir/poluostrov-sokrovishch

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)